

С.В. Савинков¹

*Воронежский государственный педагогический
университет*

Воронежский государственный университет

ПАЛЕЦ Г-НА ГОЛЯДКИНА: О КАТЕГОРИЯХ ЧАСТИ И ЦЕЛОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО²

Статья представляет собой развернутый комментарий к одному месту в повести Достоевского «Двойник». В этом фрагменте текста герой, одержимый желанием избавления от двойника, говорит о своей готовности ради такого дела пожертвовать своим пальцем с правой руки. В литературе указывалось на связь этого места с фольклорными и евангельскими источниками. Однако заданная в этих претекстах логика у Достоевского не срабатывает. Голядкин не может спасти целое путем принесения в жертву части потому, что в предполагаемом обмене часть – палец Голядкина – оказывается эквивалентом целого – двойника. Этот пример иллюстрирует особое понимание Достоевским взаимосвязи части и целого. Оно таково, что отсечение части от целого является залогом не его спасения, а его гибели.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, палец, часть, целое, природа, право, существование, отсечение, спасение

S.V. SAVINKOV

*Voronezh State Pedagogical University
Voronezh State University*

GOLYADKIN'S FINGER: ABOUT THE CATEGORIES OF PART AND WHOLE IN THE WORKS OF DOSTOEVSKY

The article presents a detailed commentary on a place in Dostoevsky's story "The Double". In this fragment, the hero, obsessed with the desire to get rid of his double, speaks of his willingness to sacrifice his finger for such a thing. The literature pointed to the connection of this episode with folklore and gospel sources. However, the logic given in these pretexts does not work in Dostoevsky. Golyadkin cannot save the whole by sacrificing a part because in the alleged exchange the part – the finger of Golyadkin – turns out to be the equivalent of the whole – the

¹ Сергей Владимирович Савинков, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета и профессор кафедры журналистики и литературы Воронежского государственного университета, svspoint@yandex.ru

² Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23008

double. This example illustrates Dostoevsky's particular understanding of the relationship between part and whole. It is such that cutting off a part from the whole is not a guarantee of his salvation, but of his death.

Keywords: F.M. Dostoevsky, finger, part, whole, nature, right, existence, clipping, salvation

В повести Достоевского «Двойник» есть одно примечательное место: Голядкин, мечтая об избавлении от своего двойника с помощью чудесного помощника, сам с собой обсуждает вопрос о мере своей за это расплаты: «Ну, если б там теперь, – думал он, – волшебник какой бы пришел, или официальным образом как-нибудь этак пришлось, да сказали бы: дай, Голядкин, палец с правой руки – и квиты с тобой; не будет другого Голядкина, и ты будешь счастлив, только пальца не будет, – так отдал бы палец, непременно бы отдал, не поморщась бы отдал [Достоевский, 1972, т. 1, с. 170]. Это место требует комментария.

В литературе указывалось на его связь и с фольклорными, и с евангельскими источниками. Считается, к примеру, что все мотивы приведенного текста состоят в связи с сюжетами сказок о Лихе [Ветловская, 1982]. Согласно этим сюжетам, для того чтобы спастись от Лиха, герой обязательно должен пожертвовать каким-либо своим членом – пальцем (или рукой). Такую необходимость он обычно испытывает тогда, когда преследуемый Лихом цепляется пальцем за какой-либо предмет и прилипает к нему. Вот тогда он и «отрубает себе палец и ценой отрубленного пальца спасает себе жизнь» [Пропп, 2000, с. 70]. Отрубленный палец – та цена, которую герой должен заплатить за возвращение себе покоя и счастья. При внешнем сходстве (в заданной проекции Голядкин-младший для Голядкина-старшего – то же, что Лихо для сказочного героя), очевидно, что ситуация в «Двойнике» все же иная. Во всяком случае, Голядкин готов расстаться со своим пальцем не потому, что его палец оказался невольным пособником его врага.

В связи с пальцем Голядкина напрашивается на привлечение и евангельский контекст: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» [Матф. 5: 29-30].

Примечательны богословские толкования этого места. При некоторых различиях они «смотрят» в одну сторону, предлагая понимать слова Христа не буквально, а иносказательно: «Оком и рукою десною всеблагий Христос наименовал близость к нам друзей и людей преданных нам, за благорасположение искренно содействовать нам, назвав их именами тех членов, которыми мы приводим в

исполнение то, что нам приятно» [Прп. Исидор Пелусиот]¹. С точки зрения богословских толкователей, это наставление Христа о том, как должно поступить человеку праведному, чтобы защитить себя от греховного соблазна, который может исходить даже от самых близких ему людей: «Если кто из них будет по отношению к нам повинен в соблазне, скатившись в грех... то Божество велит быстро отсечь его, и освободить от тела, и подалше забросить от себя» [Прп. Антоний Великий]. Близкие люди, как и телесные члены, мыслятся таким образом как части единого целого: «...Поскольку мы состоим из разных членов, однако все имеем одно тело, нам повелевается отбрасывать или, скорее, даже исторгать из себя привязанность к наиболее дорогим нам людям <...> лучше лишиться даже самых полезных и необходимых членов, наподобие глаза или ног, чем из-за порочной привязанности дойти до общения с геенной. Итак, и отсечение членов может быть полезным, если возможно исторгнуть [привязанности] сердца» [Свт. Иларий Пиктавийский].

У Достоевского же двойник своего двойника никак не может рассматриваться в качестве члена его тела. Будучи точной копией оригинала, он никак не может ассоциироваться ни с его пальцем, ни с рукой, ни с каким-либо иным членом. Голядкин-младший представляет собой такое же единое целое, как и Голядкин-старший. А это означает, что в предполагаемой Голядкиным сделке с волшебником и он сам, и его двойник оказываются эквивалентными величинами. Поэтому и выступающий в качестве обменного эквивалента палец никак не может рассматриваться в качестве «части», но только в качестве «целого». Сам факт придачи пальцу значения целого говорит о произошедшем в сознании Голядкина сдвиге. Появление двойника заставило его если и не осознать, то хотя бы ощутить ценность отдельного существования, пусть даже и в «лице» собственного пальца.

О том, что у Достоевского «палец» – фигура особого значения, свидетельствуют самые разные контексты [Котельникова, 2007]. Один из них – довольно частный, но все же знаковый – в романе «Подросток»: «глуп как палец» [Достоевский, 1975, т. 13, с. 360] – определение, которым Подросток наделяет своего приятеля Ламберта. Достоевский переформатировал широко известную идиому «под себя» (глупость привязал именно к пальцу, а не как обычно – к пню, к дереву, бревну и т. д.) и наделил тем самым палец способностью к отдельному, пусть и глупому, существованию.

¹ Ссылки на толкования Священного писания даются по электронному изданию, представленному на официальном сайте Введенского мужского ставропигиального монастыря Оптины Пустынь: URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:05:29>.

Еще один интересный контекст, в котором узаконивается право пальца на отдельное существование, находим в «Записях к дневнику пассажира 1876–1877 гг. из рабочих тетрадей» с симптоматичным заголовком: «Парадоксалист. Путаница мнений»: «Слово я есть до того великая вещь, что бессмысленно, если оно уничтожится. Тут не надо никаких доказательств. Всякое доказательство несоизмеримо. Мысль, что я не может умереть, – не доказывается, а ощущается. Ощущается как живая жизнь. Палец мой живет, и я не могу отрицать, что он существует. Точь-в-точь и я: раз сказав «я есмь», я не могу допустить себе, что я не буду, не могу никак» [Достоевский, 1982, т. 24, с. 234]. Несмотря на некоторую наблюдаемую в этой записи «путаницу мнений», все же можно понять, что речь в ней идет о вещах, которые не нуждаются в доказательствах. Существование «Я» есть нечто в той же мере безусловное, что и существование пальца. Поэтому у пальца такое же безапелляционное право на отдельное существование, что и у «я». Право на существование – прерогатива всего существующего. И поэтому палец Голядкина столь же безусловно существует, как и сам Голядкин. И поэтому двойник Голядкина столь же безусловно существует, как и палец. И существование пальца, и существование двойника есть такая природная данность, с которой нельзя ничего поделать. И для самой природы существование двойника несколько не чудеснее и фантастичнее, чем существование пальца. И то, и другое – лишь разные проявления – если воспользоваться фразеологией Жуковского – ее «небрежной» и «легкой» свободы.

Достоевскому, несомненно, близко романтическое представление о природе как о саморазвивающейся системе, в которой органически связанные между собой элементы образуют единое нерасторжимое целое. Его мир как будто бы не терпит иерархической дифференциации, узаконивающей подчиненное положение «части» по отношению к «целому». Поэтому и такое действие, как покушение на палец (нередко встречающееся у Достоевского) – это всегда покушение и на целое. То, что это так, хорошо видно в одном из эпизодов «Братьев Карамазовых». Желая отомстить обидчикам своего отца, мальчик Илюша кусает за палец Алешу Карамазова: «... он сорвался с места и кинулся сам на Алешу, и не успел тот шевельнуться, как злой мальчишка, нагнув голову и схватив обеими руками его левую руку, больно укусил ему средний ее палец. Он впился в него зубами и секунд десять не выпускал его. Алеша закричал от боли, дергая изо всей силы палец. Мальчик выпустил его наконец и отскочил на прежнюю дистанцию. Палец был больно прокушен, у самого ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь» [Достоевский, 1975, т. 14, с. 163]. Защищая униженного и оскорбленного отца, Илюша набрасывается на палец Алеши для того, чтобы причинить боль не пальцу и даже не Алеше, а всем братьям Карамазовым в целом – «пальцам» одной руки.

Достоевский специально на это укажет в сцене разговора Алеши с отцом мальчика. Униженный и оскорбленный штабс-капитан Снегирев саркастически предложит брату своего обидчика откуп за нанесенный его сыном ущерб: «Жалею, сударь, о вашем пальчике, но не хотите ли я, прежде чем Илюшечку сечь, свои четыре пальца, сейчас же на ваших глазах, для вашего справедливого удовлетворения, вот этим самым ножом оттяпаю. Четырех-то пальцев, я думаю, вам будет довольно-с для утоления жажды мщенья-с, пятого не потребуете?..». Логика такого взаимозачета не покажется случайной, если учесть, что в общей сложности братьев Карамазовых не трое, а четверо.

Итак, каждый элемент в мире Достоевского наделен самостоятельным и самодостаточным бытием, без которого целое не может существовать как целое. И отсечение от целого хотя бы одного из его элементов неизбежно повлечет к гибели и само это целое. Даже и в том случае, если таким отсекаемым элементом окажется зловредная старуха-процентщица. «За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна <...> Конечно, она недостойна жить, – заметил офицер, но ведь тут природа» [Достоевский, 1973, т. 6, с. 54]. Предлагаемая студентом офицеру логика спасения множества путем отсечения от него одного злого «элемента» демонстрирует в «Преступлении и наказании» свою полную несостоятельность. Убивая старуху, Раскольников, как известно, в определенном смысле убивает одновременно и самого себя.

Мечтая об избавлении от двойника путем отсечения пальца, Голядкин в тот момент еще не знает, что вместе с пальцем он отсечет и самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ветловская, В. Е. Ф.М. Достоевский / В.Е. Ветловская // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. – Ленинград: Наука, 1982. – С. 12–76.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972 – 1990.

Котельникова, Т. Г. К вопросу о двойничестве в творчестве Достоевского / Т.Г. Котельникова // Вестник Новгородского университета. – 2007. – № 44. – С. 70–72.

Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 2000. – 333 с.

Толкования Священного писания. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:05:29>. (20.09. 2019).

REFERENCES:

Dostoevskij, F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. / F.M. Dostoevskij. – Leningrad: Nauka, 1972 – 1990.

Kotel'nikova, T. G. K voprosu o dvojnichestve v tvorchestve Dostoevskogo / T.G. Kotel'nikova // Vestnik Novgorodskogo universiteta. – 2007. – № 44. – S. 70–72.

Propp, V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / V.Ya. Propp. – Moskva: Labirint, 2000. – 333 s.

Tolkovaniya Svyashchennogo pisaniya. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:05:29>. (20.09. 2019).

Vetlovskaya, V. E. F.M. Dostoevskij / V. E. Vetlovskaya // Russkaya literatura i fol'klor. Vtoraya polovina XIX veka. – Leningrad: Nauka, 1982. – S. 12–76.